

Ю. Н. Столяров

*Библиотечный романтик
(Открытое письмо В. П. Леонову)*

Дорогой Валерий Павлович!

Мы с тобой почти ровесники, наши судьбы в самом существенном схожи, так позволь мне поздравить тебя попросту, без слишком высоких и казённых слов.

Мы люди одного, и довольно своеобразного поколения: мы *шестидесятники*. Может быть, тем, кто приходит и уже пришёл нам на смену, это слово мало о чём говорит, но для себя-то мы знаем отличительные черты наших одногодков. У тех, кому наследовали мы, судьба была своя и чрезвычайно суровая – их жизнь поломала война.

Судьба нашего поколения – другая, в целом куда более удачная. Хотя, если оглянуться на неё с высоты прожитых лет, хорошего вспомнится не так уж и много. Голодное военное и послевоенное детство, скудный быт, почти никаких развлечений. Но было и другое – оно же оказалось и главным: была внутренняя гордость от того, что наш народ выстоял в тяжелейшей войне, и мы победители! А значит: впереди у нас – только хорошее, мы справимся с любыми невзгодами, и жизнь наша обязательно будет насыщенной, интересной, полезной, и перед нами открыты все дороги; мы обязаны честно относиться к своим обязанностям, должны работать над собой, непрерывно брать уроки жизни из книг, и только это питает наше самоуважение.

Мы хотели сделать свою жизнь и жизнь всей страны лучше, пребывая в убеждении, что наш строй – самый справедливый и прогрессивный.

Конечно, в таком мироощущении было много романтики, ну так что ж! Тем и прекрасна наша молодость, и мы вспоминаем её со светлой грустью.

Тебе не от кого было ждать протекции, всю жизнь приходилось и приходится рассчитывать только на свои возможности. Вспомни, как сложно было поступать в институт: тогда высшее образование пользовалось в народе уважением, а конкурс на библиотечный факультет был больше десяти человек на место! О протекции свыше, о возможности обучение купить за деньги и мысли не возникало. Надо было обладать *настоящими* знаниями по пяти «вступительным» предметам, чтобы сдать все экзамены на «отлично». Всего одна оценка «хорошо» делала поступление в институт весьма проблематичным.

А как строго нас экзаменовали, вспомни, например, вступительное сочинение! Пятёрка за сочинение означала, что человек действительно владеет правилами русского языка и глубоким знанием художественной литературы.

Студенту нелегко было прожить на грошовую стипендию (особенно если приходилось ещё платить хозяйке за снятый угол). Но все невзгоды окупались утолением жажды знаний, когда каждая лекция открывала новый мир, когда после занятий хотелось идти в библиотеку – и не только для того, чтобы подготовиться к завтрашнему семинару, но и узнать что-то новое самому, найти ответ на целое море возникавших вопросов.

А каково было сразу со студенческой скамьи встать за преподавательскую кафедру и каждодневно стремиться передать аудитории не только новые знания, но и зажечь её верой в нашу профессию, в её исключительность, гуманность, в возможность развивать и собственную, и читательскую эрудицию и самые лучшие человеческие качества.

Написание диссертации – сначала кандидатской, потом докторской – это вновь упорный, каждодневный труд, притом с весьма неясным результатом: справишься ли, защитишь ли свой труд?

Ты сразу был выделен из студенческой массы, коль получил приглашение после окончания института остаться в нём на преподавательской работе. Твои способности дали мало кому выпадающую возможность стажироваться в США. Именно тогда были замечены твои не только научные и педагогические, но и

административные способности, иначе ты не стал бы в то время заместителем директора крупнейшей, старейшей и славнейшей Библиотеки Академии наук и твоя кандидатура не была бы выдвинута на должность директора Библиотеки ООН.

Но тот момент твоей жизни оказался, думаю, одним из самых драматичных. Я полагаю (а кто мне запретит иметь собственное мнение?), что страшный пожар в БАН в феврале 1988 г. был подстроен. И произошло это как раз в тот момент, когда твоя докторская диссертация была на рассмотрении в ВАКе... А происходило всё это, как многие знают, на фоне не только открытой, но и скрытой схватки с когортой явных недоброжелателей. (Среди них оказался даже член Президиума ВАК!)

Даже когда впоследствии тебе «стряпали» уголовное дело, это, пожалуй, не было так драматично, как в момент, когда на тебя в буквальном смысле слова смотрели весь мир, все средства массовой информации и требовалось спасать Библиотеку, заботиться о сотрудниках, защищать свою честь и научную репутацию.

Вся твоя последующая научная и управленческая деятельность блистательный пример профессиональной и человеческой состоятельности. И это не комплиментарные юбилейные слова. Это вывод, подтверждённый статистически. Со времени крупнейшего в мировой библиотечной истории пожара прошло четверть века, но в течение всего этого долгого с точки зрения человеческой жизни срока коллектив БАН каждые пять лет выбирает тебя на новый срок, и что самое главное, с чем по объективности этого процесса не может сравниться ничто, – выбирает *единогласно!*

Те, кто пришёл и приходит на смену нам, тоже поколение драматичной судьбы. Мы их понять можем: их история – это и наша история. Исторические катаклизмы выпали не только на их, но и на нашу долю. И переживались нашим поколением едва ли не острее, чем нынешними средним и молодым поколениями. Им нас понять труднее, ну да и бог с ними. Для самих себя мы знаем, что прожили свою жизнь достойно и по большому счёту нам себя упрекнуть не в чем.

Так позволь мне, дорогой друг, в день твоего славного юбилея поздравить тебя с тем, что всей своей жизнью ты оправдал запись в твоём дипломе: «библиотекарь-библиограф *высшей квалификации*». Вдобавок ты и руководитель экстра-класса, и учёный в самом почётном смысле этого слова. При всём том ты продолжаешь оставаться удивительным *библиотечным романтиком* – кто же ещё может озаглавить научную монографию словами песни, пронесённой из детства сквозь годы и расстоянья, – «*Бе самэ мучо!*»!

Здравствуй, дорогой, ещё многие-многие годы на пользу библиотечному делу и на радость всем нам!